

**М**ЕНЯ часто просят рассказать, как я работал над образом Ленина. Интерес к этой теме не убывает. Раз так, надо попытаться ответить.

Началось это все для меня неожиданно, даже странно.

Главный режиссер Театра Революции, где я работал, Николай Васильевич Петров остановил меня за кулисами и повелительно сказал:

— А ну-ка, снимите очки!  
— Зачем?  
— Снимите, снимите, не бойтесь.

Я послушно выполнил просьбу и близорукими глазами уставился на него.

Петров глядел на меня пристально. Словно видел впервые. Обошел справа, слева. И вдруг, как бы отвечая на собственные мысли:

— А пожалуй, можно...  
— Что можно?  
— Нет, ничего, ничего.

И ушел. Все...

Не правда ли, разговор несколько странный? Но я не очень-то удивился: мало ли чего не слышишься иной раз в театре? И особого значения этой мимолетной встрече не придал.

На самом же деле этот «странный» разговор с Петровым оказался для меня началом едва ли не самого значительного периода всей моей творческой жизни. Ведь вот как бывает!

Однажды, задолго до этого разговора, разнеслась по театру интересная весть: председатель Комитета по делам искусств П. Керженцев при-

гласил к себе наших лучших драматургов — А. Толстого, К. Тренева, А. Афиногенова, Вс. Вишневского, Н. Погодина, А. Корнейчука и предложил им принять участие в закрытом конкурсе написание пьесы, посвященной торжественной дате — XX годовщине Октября. Было высказано пожелание попытаться создать образ Ленина. В самом деле, коль скоро отображать такие события, то как же без Ленина?! Вывод логичный, но он показался всем тогда невероятно смелым. Смелым до дерзости!

Заволновались и замерли в ожидании театры...

Драматургов такое предложение поначалу очень смутило, даже напугало. Вот их признания:

А. Корнейчук: «В первую минуту это показалось настолько трудным, что мы не решились взять на себя какие-либо обязательства».

Н. Погодин: «Поставленная перед нами задача казалась неосуществимой... Нас, литераторов, все это пугало, казалось чуть ли не святотатством взяться за изображение Ленина».

Всякое прикосновение к теме Ленина вызывало у художников творческий трепет.

Интересен случай, описанный А. Корнейчуком: «...Меня взволновало, что в пьесе должен быть выведен образ гения революции — Владимира Ильича Ленина. Первые два месяца во мне шла борьба. Казалось, что это невозможно. Когда я делился своими сомнениями с друзьями-актерами, они просили меня:

— Если уж напишете пьесу, то в конце выведите об-

раз Владимира Ильича, только без слов...»

С таким настроением я поехал в Ленинград, чтобы встретиться с рабочими-красногвардейцами, которые в дни Октября видели Ленина.

На встрече я изложил им свой план будущей пьесы и рассказал условия конкурса.

**Максим ШТРАУХ**

# ВЕЛИКИЙ ОБРАЗ

Фрагменты из готовящейся к печати книги «Главная роль»

Почти всю ночь мы беседовали. Рабочие взволнованно рассказывали яркие эпизоды, и когда прощались, один старик слесарь спросил меня: «А в пьесе Владимир Ильич будет говорить?» Я ответил, что Ленин будет показан в конце, без слов.

— Нет, вы уж, товарищ писатель, сделайте так, чтобы мы услышали слова Владимира Ильича.

— Боюсь, что не выйдет...

— Знаем, что трудно, но раз вам правительство поручило, значит, оно верит в силы писателей наших. Вам и оправдать надо такое доверие. Так что, пожалуйста, чтобы со словами.

Итак, друзья советуют: «...выведите образ Ленина, только без слов...»

А вот рабочий дает другой наказ:

«...вам правительство поручило, значит, оно верит

в силы писателей наших... Так что, пожалуйста, чтобы со словами».

Прежде всего — в Музей Ленина. Я там бывал и раньше, но сейчас, после подробного изучения образа, заново смотрел на все глазами будущего исполнителя.

Все хотелось разглядеть —

наблюдать: как они смотрят, как внимательно слушают, с какой душевной взволнованностью впитывают всякую подробность этой великой и удивительной жизни...

Наконец наступил самый страшный для меня день — день приема (или неприе-

ма?) спектакля. (Имеется в виду спектакль «Правда» по пьесе А. Корнейчука.)

Волнение достигло предела.

Во время работы я имел обыкновение перечитывать книги, близкие по духу роли, которую готовил. Сейчас это был фурмановский «Чапаев». Для поддержания бодрости я даже выписал такие слова Чапаева: «Верить надо, ребята, што дело хорошо пройдет, это главней всего... А не веришь когда, што победишь, так и не ходи лучше...»

И вот — 2 ноября.

Играл я хуже, чем на репетициях. Перенервничал, завысил голос, интонации утратили убежденность. Остался собой недоволен. Настроение скверное... Ну, думаю, теперь все! И Чапай не помог.

Но странная штука — театр! Вдруг заходит актриса, отнюдь ко мне не располо-

женная, смотрит увлажненными глазами и тихо говорит: «Спасибо...» Заходят другие, слов говорят мало. Стоят, смотрят... Улыбаются, утвердительно кивают головой,жимают руки... Что за наваждение! Я-то ведь знаю, что играл плохо.

Началось обсуждение. Длилось долго. Закончилось, когда уже шел вечерний спектакль...

...Все выступавшие были единодушны и доброжелательны. Замечания оправдали ту тактику, которую я совершенно сознательно избрал для себя.

Дело в том, что к овладению образом можно подходить по-разному. Иногда пробуешь роль смело, не боясь ошибиться, не боясь перегибов. Хватаешь ее сразу, как быка за рога.

Здесь я рассуждал иначе: надо относиться к образу предельно тактично и бережно. Опасение, что при малейшем перегибе или неточности весь замысел может обернуться святотатством, не покидало меня ни на минуту. И меня поддерживали: вы на верном пути, но можно и нужно играть смелее!

Смелей, смелей! — раздавалось во всех выступлениях. Эти слова отнюдь не сбили меня с толку. Наоборот. Теперь я мог позволить себе играть увереннее и смелее.

Взявшись еще одна подробность. Оказывается, после просмотра произошел резкий перелом у всех, пришедших принимать спектакль. Мне потом по секрету сказали, что до прогона настроение было явно не в мою пользу. Даже в антракте, перед последним актом (где шли сцены в

Смольном), в кабинете директора только и было разговору, как бы найти вариант пьесы без Ленина.

После обсуждения дело повернулось иначе. Решили спектакль с учетом высказанных замечаний разрешить!

Итак — спектакль принят!

Завтра мы его отправляем в большое плавание: на суд зрителя.

И вот накануне такого события потянуло меня к Ленину, на Красную площадь...

Пусть будет понятен такой порыв — ведь это наши святые места, — не стесняюсь этих громких слов! Столько забываемого связано с ними. Мое поколение помнит все не по книгам.

В последующие годы у советских людей возник обычай приходить на Красную площадь, отмечая главные события своей жизни. Приходят пионеры, чтобы поклясться верности делу Ленина и впервые повязать красные галстуки. Приходит окончившая школу молодежь отметить начало новой жизни. Приходят перед полетом космонавты...

Меня привлекла сюда в те предпримьерные дни не только возможность еще раз взглянуть в черты Ильича, но какое-то особое, я бы даже сказал, возвышенное желание — поклонясь праху его, как бы получить право впервые выйти перед народом на подмостки театра и заговорить от имени Ленина.

Насколько мог, я задерживал шаг, чтобы продлить для себя эту торжественную минуту...

«Сов. кинематограф»  
г. Москва 21 мая 1977г.

211